

гии, не разрушал древние святилища, не ломал старые традиции, что стали делать с особой жестокостью его преемники, но в то же время при нем в стране появились священники, а на западном побережье Норвегии были построены первые церкви. Но когда Хакон погиб, он был погребен по языческим обрядам. Спустя столетия имя Хакона было не забыто, и уже в XIII в. Снорри Стурлусон, опираясь на сведения скальдов, провозгласил Хакона Доброго идеальным правителем.

Нередко скальды занимали высокое положение при королевском дворе, играли важную политическую роль, и в этом случае их стихи являлись уже своего рода документами – докладами, отчетами, донесением и т. д. Но в то же время они оставались в глазах современников в совершенно такой же мере поэзией, как и стихи, не выполняющие такой функции. Типичны в этом отношении стихи Сигхвата Тордарсона. С 18 лет он был скальдом Олава Святого (1016–1028), а затем и его сына Магнуса Доброго (1035–1047). Его “Висы о поездке на восток” – это отчет о его поездке в Швецию с дипломатической миссией. В “Откровенных висах” Сигхват докладывает Магнусу о недовольстве его политикой в некоторых кругах норвежского общества, обстоятельно и объективно освещает политическую ситуацию и дает королю рекомендации о необходимости изменить политику, чтобы избежать государственного переворота.

Итак, главной задачей скальдов было сочинение хвалебных песен, посредством которых они упрочивали удачу и силу своего короля, а также делали его имя известным. Тем самым они способствовали сохранению памяти о нем.

С. П. Шупляк

ЗАПАДНЫЕ ПАЛОМНИЧЕСТВА В ИЕРУСАЛИМ ДО КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ

Список главных целей посещения западных пилигримов, того, что называлось великими паломничествами (*peregrinationes maiores*), состоял из двух городов – Рима и Иерусалима, о чем говорят все каноны peregrinationi. Подавляющее большинство северо-западных, и в особенности французских, также упоминают святого Якова Компостельского. По всей Западной Европе пользуется огромным вниманием тело официального основателя западного монашества св. Бенедикта Нурсийского, а в заальпийских кругах – его фактического инициатора св. Мартина Турского. За этим списком можно было бы указать десятки очень авторитетных и сотни авторитетных очагов, носивших уже скорее местный характер, только по каким-нибудь специальным причинам в отдельные периоды привлекавших путников издалека.

Среди разнообразия мотивов, побуждавших к паломничеству, можно выделить следующие: 1) попытка пережить мистическое чувство экзальтации, увидев святыню; 2) культ героев и их могил, особенно времен раннего христианства, останков и ценностей, в которых находится святая сила; 3) приобретение реликвий-фетишей; 4) стремление компенсировать нарушения в исполнении религиозных правил и заветов на родине; 5) желание наследовать подвижнический тип жизни Христа и апостолов; 6) стремление отплатить Богу за что-то; 7) набожный интерес

к стране, в которой протекала земная жизнь Спасителя; 8) желание убедиться в истинности Писания и переубедить лживые домыслы и слухи о Святой земле.

Эсхатологические представления придавали особый смысл путешествию в Иерусалим, представляя его как аллереорию познания и открытия.

Насколько часты и многочисленны были странствия “с западных берегов”, видно из того, что в результате этих странствий, уже примерно в III в., сложился очень твердый маршрут в Палестину. Его изложил неизвестный паломник из Бордо в своем дорожнике, получившем имя “Путь из Бордо в Иерусалим”.

Ранний поток паломничества был прерван в 637 г., когда арабский военачальник Омар овладел Иерусалимом. Однако даже в VII в. движение западных пилигримов, внезапно и резко замедлившись, не замерло окончательно. Поддерживая традицию Григория Великого, папы продолжали слать милостыни заморским христианам. Относительно долгим было влияние на оживление паломничества господства Каролингов. С 800 г. император Карл Великий стал официальным патроном Палестины, получив в виде почетного дара ключи Гроба Господня и знамя города Иерусалима. Возобновляется движение посольств, грамот, милостынь. С ними ширится и поток паломников. Обращение к христианству правителя Венгрии в 1000 г. устранило опасности на пути паломников в Иерусалим. Теперь они могли воспользоваться более безопасной дорогой.

В последующие годы, особенно после разрушения Гроба Господня, Иерусалим наряду с Римом и Сантьяго-де-Компостело стал одним из главных мест паломничества христиан.

В самой Палестине владычество арабов утратило свою враждебность по отношению к христианству. Раны, нанесенные ему 11 годами (1009–1020) террора, поднятого ал-Хакимом (жестокие гонения христиан), были залечены с новым поворотом политики халифа, ставшей более терпимой к иноверцам. Однако эти годы положили конец латинскому протекторату над Святой землей. Наследство Каролингов, потерявших престиж на самом Западе, подбирала окрепшая с победами Никифора II и Иоанна I Восточная империя. Греческие императоры возвращают христианству Кипр и Антиохию, Эдессу, Кесарию и Назарет. Во всяком случае, события, наносившие урон самолюбию западного священства, не отразились прямо на западных паломничествах. Соперничество греческой и латинской церковью стало неблагоприятно ощущаться пилигримами только в годы, последовавшие за их официальным разрывом (1054 г.).

Само восприятие паломничества носило мистический характер. Иерусалим не только отличался от других мест паломничества, но отличался также и самим характером совершаемого путешествия. Странствия как бы являлись имитацией страстей Христовых. Опасности, подстерегавшие паломников на пути, воспринимались как участие в его страданиях. Грабители, в чьи руки попадали пилигримы, уподоблялись римским солдатам, которые раздевали Христа и делили одежду между собой. Эти случаи являлись необходимой частью повествования о деяниях, если этот святой претендовал на канонизацию и совершил паломничество в Иерусалим. Такое паломничество являлось доказательством того, что святой был идеалом аскетизма и настойчивости.

Снаряжение пилигрима в средневековье обязательно должно было состоять из мешка и посоха (*pergam et baculum*), утешение и знак странствия. Предание о Карле

Великом очень дорожило в нем образом паломника, и в его житии с почетом рассказано, как в обряде его погребения сверх его императорского одеяния положен был золотой мешок, который он обычно носил во время странствий. Простой путник нес такой мешок на веревке за плечами, более знатный вешал его на перевязь сбоку, и шарф, опоясывающий его через плечо или по талии, становился третьим знаком странников. Эти знаки они получали от приходского священника своей церкви, и, возможно, там же велись списки паломников, вышедших из данной церкви.

Перед паломничеством будущий странник должен был очиститься от грехов. Об этом писалось в книге Откровения: “И не войдет в него (Иерусалим) ничто нечистое, и никто преданный мерзости и лжи, а только те, которые написаны у Агнца в книге жизни” (21:27). Поэтому перед тем, как совершить паломничество, ему рекомендовалось раздать все, что он покупал за деньги.

Паломник в Иерусалиме должен был посетить все святые места, а заканчивал свой маршрут после того, как искупался в реке Иордан. В этом он тоже следовал примеру Христа.

Особое желание совершить паломничество вызывала идея конца света, особенно после тысячного года.

Рауль Глабер в своем повествовании апогеем “святых путешествий” называет 1033 г., когда исполнилась тысяча лет Распятию Христову. Этим он подчеркивает особый смысл паломничества: подготовка к смерти и обещание спасения. “Со всех уголков земли толпы людей устремились в Иерусалим к Гробу Господню; еще незадолго до того никому и в голову бы не пришло подобное. Сначала толпы эти состояли в основном из людей неимущих, затем – из людей с достатком; потом в путь отправились гранды, короли, графы, прелаты, и – совсем невиданное ранее – женщины, от самых знатных до самых бедных. Большая часть паломников желала умереть в пути”.

Рауль Глабер усматривает неоспоримую связь между мистическим порывом к Богу, благодаря которому люди устремяются на Восток, в те места, где был распят Христос, и приближением конца света. За этим он усматривал верный знак скорого явления в мир Антихриста, а значит, и конца. Значит, и народ устремляется к Востоку, потому что все они должны выйти ему навстречу, и тогда сбудется пророчество Господа, и воздаст Высший судия по делам их.

С того момента, как паломник получал официальное благословение церкви, он становился особой священной, защищенной церковными законами. Посягнувший на жизнь и свободу пилигрима подлежал анафеме, судебные претензии к паломнику не имеют силы или передаются в церковный суд. В постановлениях городских цехов, например в парижских статутах, многочисленные льготы и отсрочки в выполнении цеховых обязательств даются тем членам цехов, подмастерам, рабочим и ученикам, которые “собираются за море”.

Имущество, оставленное паломником на родине, так же как и его семья, считалось под особой защитой церкви и короля. Таким образом, паломники выделялись в некую привилегированную общественную группу. Однако скоро сама церковь станет устанавливать ограничения широких привилегий паломников ввиду многих злоупотреблений.

При всем развитии благотворительной помощи паломникам, деятельности братств и монастырского гостеприимства эти далекие странствия были тяжелым и дорогим предприятием. Отправляясь в путь, дальновидные паломники запасались золотом, которое брали под заклад у евреев или у богатых монастырей. Но беднякам нечего было закладывать и продавать. Они шли без расчета и массами гибли в пути. Путешествие в период раннего средневековья были опасным и длительным предприятием. Опасным, ибо разбойники были почти неотъемлемым признаком большой дороги. Длительным, ибо средства передвижения были не в лучшем состоянии, чем пути.

В эпоху крестовых походов индивидуальные странствия все больше теряются на фоне огромных коллективных предприятий, в которых вместе с пилигримами движутся купцы и товары, по пути завязываются торговые связи и возникают колонии и рынки.

Е. В. Акелан

ЗАМОК СРЕДНЕВЕКОВОЙ ГЕРМАНИИ, ФУНКЦИЯ ЕГО ГОСПОДСТВА

Центром общественно-политической, экономической и культурной жизни средневекового общества был замок. Он являлся правовым, управленческим и хозяйственным учреждением того времени, где велась разнообразная деятельность.

Строительство замков в эпоху средневековья оказывалось эффективным инструментом в процессе развития территориальной власти как в отношении малых дворянских семейств, которые из своих родовых замков пытались создать закрытую сферу господства, так и в отношении более крупных князей, которые систематически занимались строительством замков. Расширение и усиление господских прав почти всегда было связано со строительством нового замка.

Знатный господин в нужном ему месте воздвигал замок, а затем превращал всю окружающую землю в зависимую от него территорию. “Расширь свою власть! Имей рыцарскую отвагу, подчини себе людей и владения в этой области, кому бы они ни принадлежали, и никого не пускай сюда”¹. С помощью подходящих мер весьма легко было принуждать людей к тому, чтобы они день и ночь добровольно служили господину. Многие не решались на открытое неповиновение и поэтому вынуждены были беспрекословно подчиняться. “Тот, кто в этом году отдал Вам курицу, без протеста отдаст Вам в следующем году две или три курицы. Так растут Ваши прибыли и Ваш авторитет, и Вы становитесь более уважаемы, чем прежде. Если крестьянин намерен противиться Вам, то сделайте его своим должностным лицом. Тогда Вам будет принадлежать все, что он способен иметь в наличии. Таким образом, Вы должны подчинить их всех хитростью и силой. Так Вы сможете дожить до почетной старости”. Это высказывание примечательно не только

¹ *Bumke J. Hofische Kultur, Literatur und Gesellschaft im hohen Mittelalter. Bd. 2. München, 1994. S. 133.*